

ТУРКЕСТАНЪ

И

Е Г О Р Ъ К А

ПО БИБЛИИ И ГЕРОДОТУ.

(По поводу Аму-Дарьинскаго вопроса).

а. Tchaikowski.

ВЛАДИМИРЪ.
ПЕЧАТНЯ А. ПАРКОВА.
1884.

Slav 3677.1

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Дозволено цензурой. Москва. 20 Февраля 1884 года.

ТУРКЕСТАНЪ И ЕГО РѢКА

ПО БИБЛИИ И ГЕРОДОТУ.

(По поводу Аму-Дарьинскаго вопроса).

....Я сдѣлалъ сѣтованіе о немъ, затворилъ ради его бездну, и остановилъ рѣки ея, и задержалъ большія воды....

Кн. пр. Іезекіиля гл. XXXI, 15.

....Какъ водѣ выходъ заперъ, ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но неимѣютъ выхода оттуда....

Геродотъ, кн. III, 112.

~~~~~

Библія, книга пророка Іезекіиля.

Повѣсть Продота Аликарнасскаго, пер. А. Нартовъ 1763 года.

Исторія о Кирѣ, Ксенофонта.

Исторія о народахъ обитавшихъ въ древнія времена въ Средней Азіи, о. Іакинфа 1851 г.

Путешествіе Пиеагора, переводъ съ Французскаго 1804 г.

Оксусъ, Англійскій энциклопедическій лексиконъ.

Десять лѣтъ тому назадъ мною высказано было мнѣніе, что *истоки* рѣки, впадавшей когда-то въ Каспійское море, съ большимъ вѣроятіемъ могутъ быть отнесены къ Иссыкъ-Кульской долины, и что посему извѣстное сухое русло Узбой могло принад-

лежать не Аму-Дарьѣ непосредственно, а той *иссякшей* рѣкѣ, которая выходя изъ долины Иссыкъ-Куля и изливаясь ^{русьми} рѣками Чу-Яны-Дарья-Узбой въ Каспійское море, составляла *главную* рѣку, а рѣки Сыръ и Аму принимала какъ *притоки*. Въ послѣдствіи возвышенная и многоводная Иссыкъ-Кульская долина осыла и замкнулась въ огромное горное озеро, потерявшее связь съ ^{верховьями} главной рѣки, отчего послѣдняя *иссякла*; а могучіе притоки, предоставленные самостоятельной жизни, послѣ многовѣковой работы въ направленіи своихъ тальвеговъ, перерѣзали пустое русло главной рѣки и создали себѣ новый *пріемникъ* въ Аральскомъ морѣ. Словомъ, я предполагалъ, что Туркестанскія рѣки составляли когда-то одинъ общій бассейнъ, изливавшійся въ Каспійское море.

Доказывая тогда это предположеніе въ статьѣ «Опытъ рѣшенія вопроса о причинѣ, измѣнившей теченіе Аму-Дарьи» *)—я основывалъ его, главнымъ образомъ, на изслѣдованіяхъ послѣдняго времени; на извѣстномъ превышеніи Аральскаго моря надъ Каспійскимъ, на общемъ склонѣ Туркестанской равнины къ этому морю, на существующихъ слѣдахъ непрерывнаго русла отъ озера Иссыкъ-Куля до Каспійскаго моря, на несомнѣнномъ ^{и теперь} провалѣ возвышенной долины ^{этого} озера и образованіи на ней замкнутаго ^{водоема} водоема, не имѣющаго въ настоящее время ^{стока} стока.

При всей реальности этихъ основаній предположеніе мое не могло однако имѣть значенія полной достовѣрности, такъ какъ не опиралось на свидѣтельства историческія, тогда какъ таковыя, каза-

*) Туркестанскія вѣдомости 1873—75 годовъ №№ 30, 39, 40.

лось, должны были быть въ столь чрезвычайномъ явленіи, какъ потеря огромною рѣкою своихъ истоковъ. По отношенію къ Туркестану подобный переломъ тѣмъ менѣе могъ имѣть ничтожное значеніе, что послѣдствія его непременно должны были затронуть самую существенную и чувствительную сторону жизни страны, отразившись разрушительно на системѣ орошенія, безъ которой невозможно развитіе въ ней жизни. Уничтоженіе всегда правильно рассчитанной ирригаціи неизбѣжно должно грозить гибелью благосостоянію населенія всякой страны; а разрушеніе ея въ такомъ обширномъ краѣ какъ Туркестанъ, должно было вызвать слишкомъ шумное отчаяніе, чтобы исторія осталась къ нему глуха. Обстоятельство это, усиливая значеніе переворота до степени міроваго событія, вызывало увѣренность, что если время его совершенія не вышло за границы исторіи, то въ той или въ другой формѣ сказанія о немъ не миновало ея страницъ.

Съ этой точки зрѣнія обратился я къ изученію свѣдѣній о Туркестанѣ съ древнѣйшихъ временъ и вскорѣ убѣдился, что на мою долю выпалъ счастливый случай только повторить теперь то, о чемъ 24 вѣка тому назадъ съ достаточною ясностью занесли въ свои творенія такіе авторитеты, какъ Геродотъ и пророкъ Іезекіиль.

Свидѣтельства историковъ собственно объ измѣненіи направленія рѣки Аму-Дарьи за время христіанской эры, отличаются, какъ извѣстно, полнымъ противорѣчіемъ и потому не могутъ имѣть большую цѣну; но чѣмъ далѣе уходимъ мы въ глубину исторіи, тѣмъ въ ея свѣдѣніяхъ о рѣкахъ Туркестана

замѣчается большее сходство, и вся эта страна выступаетъ въ картинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ противоположной настоящей ея пустынности. Во всѣхъ древнѣйшихъ, хотя и не пространныхъ указаніяхъ, прямо или косвенно относящихся къ этому краю, проходитъ мысль о богатствѣ, населенности и процвѣтаніи этой страны.

Еще во II вѣкѣ до Р. Х. китайскіе историки насчитывали десятки отдѣльныхъ владѣній въ Туркестанѣ. Въ исторіи Хуновъ, прослѣженной въ Китаѣ съ весьма отдаленныхъ временъ, именно съ 1140 года до Р. Х., встрѣчаются свѣдѣнія о Туркестанѣ, особенно за время могущественнаго хана Модэ,*) который въ 174 году до Р. Х. послалъ на западъ своего намѣстника Чжуки-князя, и этотъ послѣдній покорилъ владѣнія: Юечжи, Леулань, Усунь, Хусѣ и 26-ть другихъ окрестныхъ владѣній до Каспійскаго моря. Изъ этихъ владѣній самое значительное было Юечжи, въ молодые годы самъ Модэ былъ въ немъ заложникомъ, почему надо думать что Юечжи граничило съ владѣніями Хуновъ, имѣвшихъ ставку въ нынѣшней Дзюнгаріи, и лежало въ сѣверной части Туркестана. Въ послѣдствіи когда Модэ и его сынъ Лаошань, сдѣлавшись ханами, разгромили Юечжи, то по свидѣтельству Китайской исторіи населеніе этой страны двинулось на югъ и осѣло по рѣкѣ Гуй-Шуй (Аму-Дарьѣ), основавъ свою столицу по сѣверную сторону этой рѣки.

До II вѣка до Р. Х. Китай не имѣлъ сношеній собственно съ Туркестаномъ, но въ серединѣ этаго вѣка обезсиленный и тѣснимый Хунами, наложившими на него тяжелую дань, Китай впервые заяв-

---

*) По татарски Огузь-ханъ.

залъ сношенія съ владѣтелями этой страны, считывая на помощь въ борьбѣ съ могущественными Хунами. Въ 140 году до Р. Х. Китай отправилъ перваго посланника на западъ. Посланникомъ этимъ былъ Чжанъ-Кань, подавшій мысль правительству искать союзниковъ въ Туркестанѣ для нападенія на Хуновъ съ тыла. Только чрезъ 13 лѣтъ Чжанъ-Кань получилъ возможность возвратиться обратно, такъ какъ по выѣздѣ изъ Китая онъ былъ задержанъ Хунами и провелъ въ неволѣ 10-ть лѣтъ; бѣжавъ изъ плѣна, Чжанъ-Кань все-таки выполнилъ свою миссію, посѣтилъ отдѣльныя владѣнія Туркестана и въ 126 году до Р. Х. возвратился въ Китай. Докладъ Чжанъ-Каня правительству о своемъ путешествіи, послужилъ основаніемъ къ составленію въ Китаѣ исторіи западныхъ владѣній, т.-е. Туркестана.

Въ первыхъ свѣдѣніяхъ этой исторіи, относящихся къ II вѣку до Р. Х., мы находимъ описаніе въ Туркестанѣ владѣнія *Аньси*, съ главнымъ городомъ Паньду, лежавшее по рѣкѣ Гуй-Шуй, т.-е. Аму-Дарьѣ. Владѣніе это имѣло почти сплошное населеніе и до 100 большихъ и малыхъ городовъ. Купцы этаго владѣнія, говоритъ исторія, *«производятъ торговлю съ сосѣдями и сужимъ и водянымъ путемъ даже за нѣсколько тысячъ ли»*. Слѣдовательно въ эти времена берега Аму-Дарьи были еще густо заселены, а сама рѣка сохраняла торговое значеніе, служа путемъ оживленныхъ торговыхъ сношеній. Такое значеніе Аму-Дарьи подтверждается интереснымъ и весьма важнымъ на нашъ взглядъ—эпизодомъ, бывшимъ съ Чжанъ-Канемъ во время нахождения его въ Туркестанѣ, въ царствѣ Дахя, которое, какъ по

сходству названія съ землями Даговъ (Dahas), упоминаемыхъ Помпоніемъ Меллою при описаніи имъ теченія Оксуса, такъ и потому, что Индія лежала отъ Даха на юго-востокъ, слѣдуетъ отнести къ среднему теченію Аму-Дарьи, т.-е. къ нынѣшнему Афганскому Туркестану.

«Въ бытность мою въ Даха», говоритъ Чжанъ-Кань, «я видѣлъ тамъ бамбуковые посохи изъ Цюнь и холсты изъ Шу и спросилъ, откуда получаютъ это? Жители царства Даха сказали мнѣ, что купцы ихъ ходятъ торговать въ Шеньду (въ Индію), а Шеньду лежитъ за нѣсколько тысячъ ли отъ Даха на юго-востокъ». Это пустое повидимому обстоятельство удивило и заинтересовало Чжанъ-Каня потому, что бамбуковые посохи и холсты были изъ Китайскихъ провинцій Цюнь и Шу, тогда какъ вывозъ вообще товаровъ изъ Китая не былъ извѣстенъ Китайскому правительству. По возвращеніи въ Китай, Чжанъ-Кань донесъ объ этомъ правительству; послѣднее пожелало узнать путь тайнаго вывоза товара, отправило нѣсколько партій къ границамъ Индіи, но онѣ возвратились не узнавъ ничего.

Изъ этого видно, что Аму-Дарья притягивала къ себѣ товары даже изъ самыхъ отдаленныхъ восточныхъ странъ. Къ ея берегамъ притекали не только Индійскіе, но и Китайскіе товары, тайно вывозимые чрезъ Индію.

Разсказъ Чжанъ-Каня совершенно оправдываетъ свидѣтельство Страбона о торговомъ значеніи величайшей рѣки Азіи, вливавшейся въ Гирканское или Каспійское море. По его словамъ рѣка эта была сухоходна и по ней *сплавлялись самые значительные* товары къ Гирканскому морю и шли далѣе въ Евксинію.

Эти два свидѣтельства убѣдительно подтверждаютъ правдивость преданія о торговомъ пути изъ Индіи въ Европу по рѣкѣ, вливавшейся когда-то въ Каспійское море.

Въ IV вѣкѣ до Р. Х. Туркестанъ составляя часть обширной Персидской монархіи, былъ вмѣстѣ съ нею завоеванъ Александромъ Македонскимъ. Отсюда весною 327 года до Р. Х. Александръ Македонскій предпринялъ походъ въ Индію. Въ V вѣкѣ до Р. Х. народы населявшіе Туркестанъ и подвластные Персамъ, принимали участіе въ нашествіи Ксеркса на Грецію. Народы эти были: Гирканяне, Бактріяне, Хорасміане и Сарангеяне.

Туркестанъ однимъ изъ первыхъ подчинился возраставшему могуществу Кира. Примѣръ этому подали Гирканяне, передавшіеся на сторону Кира въ первомъ его сраженіи съ союзными войсками Креза Лидійскаго и Вавилона, какъ объ этомъ говоритъ Ксенофонтъ въ исторіи о Кирѣ. За ними послѣдовали повидимому и другіе народы населявшіе эту страну, такъ какъ Геродотъ описывая Туркестанъ говоритъ: «Но съ тѣхъ поръ, какъ Персы владѣть начали, принадлежитъ она (равнина Туркестана) царю».

При Даріи Гистаспѣ Туркестанъ составлялъ двѣ сатрапіи, 14-ю и 16-ю. Всѣхъ сатрапій было 20-ть. По количеству уплачивавшейся въ казну подати Туркестанскія сатрапіи были изъ главныхъ, такъ 14-я сатрапія, населенная, по Геродоту, Сарангеянами и Өоманіянами, вмѣстѣ съ другими входившими въ ея составъ народами, была третьей по раз-

мѣру подати и платила 600 талантовъ серебра. Пар-
еяне и Хорасміяне съ прочими, входившіе въ со-
ставъ 16-й сатрапіи, платили подати 300 талантовъ.
Объ Туркестанскія сатрапіи вмѣстѣ платили 900
талантовъ серебра, т.-е. значительно болѣе цвѣ-
тущаго Египта, платившаго только 700 талан-
товъ.

Слѣдовательно было время когда Туркестанъ
превосходилъ благосостояніемъ Египетъ.

На чемъ же основывалось тогда благосостояніе
Туркестана? Мы знаемъ что количество земель, ка-
чество почвы и климатъ, какъ величины почти не-
измѣнныя, едва-ли могли съ тѣхъ поръ придти въ
такое безотрадное состояніе, чтобы низвести эту
страну на степень пустыни, а между тѣмъ при на-
личности тѣхъ же условій въ настоящее время, Тур-
кестанъ совсѣмъ не можетъ назваться цвѣтущимъ
краемъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ видѣть
въ короткомъ, но вѣскомъ разсказѣ Пиеагора, по-
сѣтившаго Туркестанъ проѣздомъ въ Индію при Да-
ріи Гистаспѣ, слѣдовательно въ концѣ VI вѣка до
Рожд. Христова.

Пиеагоръ, находившійся въ Египтѣ во время
завоеванія его Камбизомъ и получившій здѣсь раз-
рѣшеніе посѣтить Персію, направился изъ Египта
въ Вавилонъ, былъ въ Халдеѣ, посѣтилъ Персеполи
и наконецъ направился къ Мидійскимъ мудрецамъ
въ Эббатанъ. Отсюда, въ сопутствіи трехъ маговъ,
Пиеагоръ предпринялъ путешествіе въ Индію че-
резъ *тверныя* пустыни, и уклоняясь нѣсколько къ
югу, чтобы избѣжать песковъ, окружающихъ гра-
ницы Гедрозіи и Арагозіи, двухъ смежныхъ обшир-

ныхъ провинцій, въ которыхъ честолюбивая Семирамида и безразсудный Киръ потеряли свои войска».

Экбатанъ, по свидѣтельству Пиеагора, лежалъ у южной оконечности Кавказскихъ горъ, и такъ какъ изъ этихъ мѣстъ Пиеагоръ направился въ Индію *сѣверными пустынями*, уклоняясь нѣсколько къ югу, то очевидно что путь его лежалъ по сѣверную сторону горъ, окаймляющихъ равнину Туркестана съ юга, какъ ближайшій съ Кавказа въ сѣверную Индію. Слѣдуя этимъ путемъ, Пиеагоръ рассказываетъ далѣе:*) «Мы разсматривали Артоксану, столицу государства Арійскаго, получившаго имя свое и *изобиліе отъ рѣки* Арія, протекающей близъ озера Зере, которое напояетъ земли Зарангейскія».

*) Между прочимъ въ самомъ началѣ разсказа объ этомъ путешествіи, т.-е. тогда, когда путешественники должны были находиться въ близи Каспійскаго моря, Пиеагоръ говоритъ: «Намъ сказывали объ Огиридѣ, не большомъ безплодномъ островѣ, покрытомъ солью и лишенномъ источниковъ; его положеніе могло бы сдѣлать его полезнымъ, если бы на немъ установить мѣсто складки для товаровъ, привозимыхъ различными народами въ Персидскій заливъ».(?) Хотя здѣсь прямо названъ Персидскій заливъ, но едва-ли правдоподобно, проѣзжая почти берегомъ Каспійскаго моря, слышать пожеланіе *мѣстнаго* характера, относящееся къ другому, далеко лежащему морю. По этому кажется болѣе вѣроятнымъ, что Пиеагору, находившемуся въ близи древняго торговаго пути изъ Индіи въ Европу, могли «сказывать» объ островѣ *Оиурчи*, лежащемъ и нынѣ не далеко отъ устья Узоя на Каспійскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что извѣстное торговое значеніе рѣки, вливавшейся этимъ русломъ въ Каспійское море, дѣлаетъ вполне понятнымъ такое желаніе. Кромѣ того, топографическое описаніе острова *Оиурида*, да и самое названіе, весьма близко подходитъ къ современному *Оиурчи*, который такъ-же мало могъ измѣнить свое названіе съ тѣхъ поръ, какъ и библейскія «Рошъ и Мешехъ», а настоящія Рештъ и Мешхедъ. Пиеагоръ тѣмъ легче могъ ошибиться названіемъ моря, что громадная путешествія его имѣли цѣль отвлеченную.

Зарангеяне или Сарангеяне, какъ названы они у Геродота, были въ числѣ народовъ населявшихъ равнину Туркестана; если рѣка Арія протекала близъ земель этого народа, то очевидно, что и сама рѣка и государство называвшееся именемъ этой рѣки, лежали по сѣверную сторону Гиндукуша, въ предѣлахъ Туркестана, и Пиѳагорова рѣка Арія, создававшая *изобиліе*, есть несомнѣнно Туркестанская рѣка и рассказъ Пиѳагора относится къ этому краю.

И такъ, современникъ Дарія Гистаспа говоритъ, что изобиліе въ Туркестанѣ основывалось на рѣкѣ; для насъ это должно быть тѣмъ понятнѣе, что въ этомъ краѣ невозможна культура земли безъ орошенія, почему вода получаетъ первенствующее значеніе и есть источникъ благосостоянія. Присоединивъ къ этому свидѣтельства Чжанъ-Каня и Страбона о населенности и торговомъ значеніи рѣки Туркестана, мы можемъ представить себѣ источники, которые давали Туркестану средства вносить въ казну подати болѣе Египта. Рѣка создавала эти источники, давая живительную влагу на поля густому населенію и служа путемъ движенія обширной торговли всей Азіи съ западными странами, съ Европою.

Ту-же ссылку на «воды», какъ причину процвѣтанія Туркестана въ началѣ VI вѣка до Р. Х., находимъ мы еще въ одномъ свидѣтельствѣ, за которымъ слѣдуетъ признать значеніе перваго сказанія о Туркестанѣ. Мы говоримъ о XXXI главѣ книги пророка Іезекіиля.

Въ этой главѣ Іезекіиль рисуетъ состояніе и судьбу страны, основывавшей свое величіе, подобно Египту, «на множествѣ водъ». Страну эту Іезекіиль

называетъ «Ассуръ», т.-е. повидимому Ассирія, но едва-ли можно сомнѣваться что разсказъ относится прямо къ Туркестану, такъ какъ послѣдній входилъ въ предѣлы Ассиріи, составляя конечно большую часть владѣній этого государства.

Что Гирканія, т.-е. нынѣшняя Хива, составляла Ассирійское владѣніе, на это есть прямое указаніе Ксенофонта въ его исторіи о Кирѣ. Онъ говоритъ: «Тогда Ассирійскій царь, который многочисленный Сирскій народъ весь покорилъ себѣ, Аравитскаго царя покорилъ своему владѣнію, и Гирканіанъ имѣлъ въ подданствѣ, напалъ на Бактріанъ войною въ томъ намѣреніи, что ежели онъ Мидское государство приведетъ въ безсиліе, то всѣми окрестными свободно овладѣетъ: ибо Мидскій народъ почиталъ предъ прочими за самой сильный». Гирканія слѣдовательно составляла часть владѣній Ассиріи, а Бактрія, которая по разсказу Ксенофонта находилась уже въ то время въ подданствѣ Мидіи, вмѣстѣ съ этою послѣднею выдѣлилась изъ той-же Ассиріи, какъ намъ это извѣстно по исторіи. Кромѣ того исторіею установлено, что Персы ранѣе другихъ поглотили тѣ земли, которыя до нихъ составляли владѣнія Мидіи и Ассиріи, а что Туркестанъ первымъ призналъ владычество Кира, мы уже говорили выше со словъ Геродота. Такимъ образомъ, есть много данныхъ безошибочно полагать, что Туркестанъ составлялъ большую конечно часть владѣній Ассиріи.

Надо замѣтить, что самъ пророкъ Іезекіиль значительную часть своей жизни провелъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Туркестаномъ, такъ какъ находился въ числѣ Іудеевъ, выселенныхъ въ Халдею послѣ

разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 г. до Р. Х. Халдея-же, по Ксенофону, лежала рядомъ съ родовыми землями Мидянъ и Персовъ, слѣдовательно на сѣверовостокъ отъ Вавилона, въ восточной части нынѣшняго Ирана. Находясь здѣсь Іезекииль могъ также хорошо знать исторію Туркестана, какъ напримѣръ, зналъ онъ подробно исторію сосѣдняго Іерусалиму Тира, о которомъ въ главѣ XXVII своей книги даетъ замѣчательно подробныя свѣдѣнія, доказывающія, что его книга, помимо священнаго значенія, включаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, и что самъ пророкъ Іезекииль основательно зналъ современную ему исторію.

Мы позволяемъ себѣ особенно настаивать въ мнѣніи, что XXXI глава книги пророка Іезекииля имѣетъ въ виду Туркестанъ потому еще, что основныя черты разсказа, изложеннаго въ главѣ этой, совершенно сходны съ разсказомъ о Туркестанѣ Геродота, какъ мы это увидимъ ниже.

Въ 11-мъ году отъ разрушенія Іерусалима, слѣдовательно въ 576 году до Р. Х., къ Іезекиилу было слово Господне:

2) Сынъ человѣческій! Скажи Фараону, царю Египетскому, и народу его: кому ты равняешь себя въ величіи твоёмъ?

3) Вотъ, Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, съ красивыми вѣтвями и тѣнистою листвою, и высокій ростомъ, вершина его находилась среди толстыхъ сучьевъ.

4) *Воды растили его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его, и она протоки свои посылала ко вѣтвямъ деревьямъ полевымъ.*

5) Отъ того высота его превысила всѣ дерева полевыхъ, и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались, *и сучья его становились длинными отъ множества водъ, когда онъ разрослся.*

6) На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякія звѣри полевыхъ, *и подъ тѣнію его жили всякіе многочисленные народы.*

7) Онъ красовался высотой роста своего, длиною вѣтвей своихъ; *ибо корень его былъ у великихъ водъ.*

8) Кедры въ саду Божіемъ не затемняли его; кипарисы не равнялись сучьямъ его, и каштаны не были величиною съ вѣтви его, ни одно дерево въ саду Божіемъ не равнялось съ нимъ красотою своею.

9) Я украсилъ его множествомъ вѣтвей его, такъ что всѣ дерева Едемскія въ саду Божіемъ завидовали ему.

10) Посему такъ сказалъ Господь Богъ: за то, что ты высокъ сталъ ростомъ, и вершину твою выставилъ среди толстыхъ сучьевъ, и сердце его возгордилось величіемъ его;

11) За то я отдалъ его въ руки властителю народовъ; онъ поступилъ съ нимъ, какъ надобно; за беззаконіе его Я отвергъ его.

12) И срубили его чужеземцы, лютѣйшіе изъ народовъ, и повергли его на горы; и на всѣ долины упали вѣтви его; *и сучья его сокрушились на всѣхъ лощинахъ земли, и изъ подъ тѣни его ушли всѣ народы земли, и оставили его.*

13) На обломкахъ его помѣстились всякія птицы небесныя, и въ сучьяхъ были всякіе полевые звѣри.

14) Это для того, чтобы никакія деревья при водахъ не величались высокимъ ростомъ своимъ, и неподнимали вершины своей изъ среды толстыхъ сучьевъ, и чтобы не прилѣплялись къ нимъ изъ за высоты ихъ деревья, пьющія воду;....

15) Такъ говоритъ Господь Богъ: въ тотъ день, когда онъ сошелъ въ могилу, Я сдѣлалъ сътованіе обѣ немъ, затворилъ ради его бездну, и остановилъ рѣки ея, и задержалъ большія воды, и омрачилъ по немъ Ливанъ, и всѣ дерева полевые были въ уныніи по немъ.

16) Шумомъ паденія его Я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю....

18) И такъ которому изъ деревьевъ Едемскихъ равнялся ты въ славѣ и величіи? Но теперь наравнѣ съ деревьями Едемскими ты будешь низведенъ въ преисподнюю....

....Это Фараонъ и все множество народа его, говоритъ Господь Богъ.

Въ этой главѣ Іезекіиль въ назиданіе Египту, основывавшему на рѣкѣ свое величіе, рисуетъ состояніе и судьбу другой страны, которая также процвѣтала потому, что «корень ея былъ у великихъ водъ». Изображая эту страну въ видѣ величественнаго «кедра», Іезекіиль говоритъ, что она разрасталась «отъ множества водъ»; что «воды растили» эту страну, «бездна поднимала» ее; что «рѣки бездны окружали питомникъ» страны и что бездна «протоки свои посылала ко всѣмъ деревьямъ полевымъ». «Отъ того высота» этой страны «превысила всѣ деревья полевые», «и ни одно дерево въ саду Божіемъ не равнялось съ нимъ красотою своею».

За беззаконіе, однако, Господь отвергъ эту страну и «срубили» ее чужеземцы; но въ тотъ день, когда она погибла, Господь сдѣлалъ «сѣтованіе» по ней: *«затворилъ ради нея бездну, и остановилъ рѣки ея и задержалъ большія воды»*, чѣмъ былъ омраченъ Ливанъ (т.-е. міръ), и отчего «всѣ дерева полевые», которымъ бездна посылала свои «протоки», были въ «уныніи», такъ какъ въ затворенной «безднѣ» страна потеряла «питомникъ».

Гдѣ-же могла быть такая страна въ Ассиріи? На канихъ «великихъ водахъ» росъ этотъ могущественный «кедръ», вызвавшій Іезекіиля на сравненіе его съ Египтомъ? Какія «воды» въ древности могли превосходить величиною Нилъ на столько, чтобы вырастить коллосса, которому «всѣ дерева Едемскія въ саду Божіемъ завидовали»? Іезекіиль говоритъ, что «шумъ паденія» этой страны «привелъ въ трепетъ народы»; что закрытіе «бездны» и съ нею ея рѣкъ «омрачило Ливанъ», т.-е. міръ, стало быть онъ свидѣлствуетъ событіе чрезвычайное, имѣвшее міровое значеніе, а потому конечно и «воды» растившія «кедръ» не могли быть малы и соотвѣтствовали смыслу всего разсказа Іезекіиля.

«Воды» эти не могутъ быть Тигръ и Ефратъ, потому что Мессопотамія составляла коренное владѣніе Вавилоня и этотъ послѣдній былъ во времена Іезекіиля въ полномъ могуществѣ; а Іезекіиль говоритъ о погибшей странѣ и называетъ ее Ассуръ. Правда, Вавилонъ наслѣдовалъ Ассиріи и его рѣки могли входить ранѣе въ предѣлы Ассиріи; но никогда не было ничего извѣстно о томъ, чтобы на рѣкахъ Тигръ и Ефратъ Господь проявилъ Свое «сѣтованіе», т.-е. что они были задержаны, поте-

ряли свои питомники и вообще подверглись какому нибудь чрезвычайному перевороту; напротивъ, нынѣшнее состояніе собственно этихъ рѣкъ, не разнится нисколько отъ состоянія ихъ въ древности. По этому рассказъ Іезекіиля не можетъ относиться къ нимъ.

Еще менѣе можетъ относиться онъ къ другимъ рѣкамъ Ассиріи, уступающимъ величиною Тигру и Ефрату, такъ какъ на таковыхъ едва-ли могъ вырости «кедръ», дававшій по словамъ Іезекіиля тѣнь «всякимъ многочисленнымъ народамъ» и паденіе котораго могло-бы потрясти міръ. Къ такимъ «водамъ» рассказъ Іезекіиля вовсе не приложимъ.

Но въ Ассиріи были еще «воды», превосходившія не только Тигръ и Ефратъ, но и воды той страны, въ назиданіе которой Іезекіль написалъ свою XXXI главу. Это были «воды» Туркестана, входившаго, какъ мы видѣли выше, въ предѣлы Ассиріи. Въ приложеніи къ нимъ *и изъ нихъ однимъ*, рассказъ Іезекіиля получаетъ вполне ясное, реальное объясненіе.

Туркестанъ, по рассказу Геродота, орошался «великою рѣкою Акъ именуемою», которая выходила изъ горъ лежащихъ «въ округъ» всей этой равнины: «оная», говоритъ Геродотъ, «напоила *прежде сего* земли всѣхъ вышеобъявленныхъ народовъ», т.-е. всѣхъ перечисляемыхъ имъ народовъ, жившихъ на равнинѣ Туркестана. Орошая такую огромную страну рѣка эта дѣйствительно могла равняться «водамъ» Египта, а если мы припомнимъ свидѣтельство Пифагора объ «изобиліи» создаваемомъ рѣкою Туркестана, и что Туркестанъ при Даріи Гистаспѣ, т.-е. значительно позднѣе бѣдствія, выпавшаго по словамъ Іезекіиля на долю этой страны, и то выно-

силъ на себѣ подати болѣе Египта, то намъ не только станетъ понятна справедливость сравненія Іезекиилемъ Туркестана съ Египтомъ, но мы должны будемъ признать вмѣстѣ съ нимъ, что дѣйствительно на такихъ «водахъ» могъ вырасти «кедръ», превосходившій высокою своею «всѣ дерева полевая», и которому завидовали «всѣ дерева Едемскія въ саду Божіемъ».

Если же мы обратимъ вниманіе на то, что только «воды» этой страны и въ настоящее время носятъ на себѣ явные признаки «сѣтованія» Господня,*) свидѣтельствуемаго Іезекиилемъ, то должны будемъ придти къ сознательному убѣжденію, что рассказъ Іезекииля не можетъ относиться ни къ какой другой странѣ, кромѣ Туркестана. Здѣсь, въ Туркестанѣ, можемъ мы найти и «затворенную бездну», и «остановленные рѣки ея», и «задерженные большія воды».

Фактическое подтвержденіе рассказъ получаетъ только на «водахъ» Туркестана; только въ примѣненіи къ нимъ получаетъ онъ реальное значеніе, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что говоря объ Ассурѣ Іезекииль разумѣлъ Туркестанъ.

Наконецъ къ этому есть еще болѣе вѣское доказательство. *Рассказъ Іезекииля въ основныхъ чертахъ, какъ мы упоминали выше, совершенно согласенъ съ повѣствованіемъ о Туркестанѣ отца исторіи—Геродота.* Сходство это мѣстами поразительно. Такъ, Іезекииль, свидѣтельствуя «сѣтованіе» Господне по Ассуру говоритъ, что Господь «затворилъ ради его безд-
Luff

*) Такъ называемый Аму-Дарьинскій вопросъ служить тому доказательствомъ, а равно провалъ Иссыкъ-Кульскій долины.

ну, и остановилъ рѣки ея, и задержалъ большія воды»; а у Геродота мы находимъ, что «у прорѣзовъ горъ сдѣлалъ царь плотины и шлюзы. *Какъ вода выходитъ заперъ, ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не имѣютъ выхода оттуда*». Въ разсказѣ Геродота мы видимъ очевидное повтореніе факта, явленія, свидѣтельствуемаго Іезекиїлемъ; а какъ разсказъ перваго идетъ о Туркестанѣ, то едва-ли можетъ быть еще сомнѣніе, что Іезекииль тоже говоритъ объ этой странѣ.

Въ согласныхъ разсказахъ этихъ двухъ великихъ свидѣтелей получаемъ мы наконецъ определенное указаніе на причину, вызвавшую измѣненіе въ Туркестанскихъ «водахъ». Причина эта была—*закрытый годъ—то выходитъ вода*.

Приведемъ въ подлинникъ короткій разсказъ о Туркестанѣ Геродота.

«Въ Азіи, говоритъ Геродотъ, есть такая равнина, которая по всѣмъ сторонамъ горами смыкается. Но горы имѣютъ пять прорѣзовъ. Сія равнина прежде сего принадлежала Хорасміанамъ, живущимъ на горахъ, также Ирканианамъ, Парѣянамъ, Сарангеямъ и Ѡоманіанамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Персы владѣть начали, принадлежитъ она царю. Изъ лежащихъ въ округъ горъ выходитъ великая рѣка Акъ именуемая. Она напоила прежде сего земли всѣхъ вышеобъявленныхъ народовъ, будучи проведена прорѣзами особливо во всякой народъ. А доставшись они Персамъ, должныствуютъ такую терпѣть нужду. У прорѣзовъ горъ сдѣлалъ царь плотины и шлюзы. *Какъ вода выходитъ заперъ, ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не имѣютъ выхода оттуда. И такъ до сего*

водою пользовавшіеся претерпѣваютъ нынѣ великой вредъ. Ибо хотя зимою Богъ и даетъ имъ дождь какъ и прочимъ людямъ: но лѣтомъ, когда они пшено и сисамъ сѣютъ, недостатокъ имѣютъ въ водѣ. И такъ ежели имъ воды недостаетъ, приходятъ они сами и ихъ жены въ Персію, и приступая ко двору царскому, вопятъ и плачутъ. Тогда повелѣваетъ царь отворить шлюзы тѣмъ, которые имѣютъ великую нужду въ водѣ. Напоивши довольно ихъ землю, запираютъ оныя опять, и отворяютъ другія для другихъ, имѣющихъ въ водѣ крайнюю нужду. Симъ отверстіемъ, какъ слышалъ я, достаетъ онъ, опричь податей, много денегъ. Такимъ порядкомъ сіе происходитъ».

Въ разсказѣ Геродота мы имѣемъ описаніе состоянія Туркестана въ V вѣкѣ до Р. Х. Выдающіяся черты разсказа заключаются въ томъ, что всю Туркестанску равнину «напоила» прежде великая рѣка, которая въ послѣдствіи, отъ образованія внутри горъ озера, перестала давать достаточно воды для орошенія полей лѣтомъ, что привело населеніе къ бѣдствію, выражавшемуся воплемъ его и плачемъ у двора Персидскаго царя. Іезекииль въ образной формѣ говорить тоже, именно—что «бездна» свои «протоки» посылала ко *«всѣмъ»* деревьямъ полевымъ», (т.-е. народамъ); но «сѣтованіе» Господне, закрывшаго бездну, привело въ «уныніе» народы (деревя) этой страны (кедра), т.-е. очевидно свидѣтельствуется тоже бѣдствіе населенія отъ недостатка воды.

Эти сходныя черты разсказа Геродота съ главою XXXI книги пророка Іезекииля дали намъ ключъ къ пониманію и объясненію этой главы.

Геродотъ даетъ намъ уже опредѣленное указаніе гдѣ надо искать мѣсто затворенной воды. Онъ говоритъ, что «внутри горъ» было «ровное мѣсто», которое «стало озеромъ» принимающимъ рѣки, но не дающее имъ выхода. Съ такими директивами въ рукахъ мы безъ труда уже можемъ указать въ Туркестанѣ такое мѣсто и теперь: это безъ всякаго сомнѣнія долина озера Иссыкъ-Куля. Другой ровной мѣстности внутри горъ, обратившейся въ озеро, неимѣющее выхода, во всемъ Туркестанѣ нѣтъ нигдѣ, такъ что ошибка здѣсь невозможна.

Вотъ слѣдовательно гдѣ находится мѣсто «затворенной бездны» Іезекіиля; вотъ гдѣ находился «питомникъ» величественнаго Ассура, «пославшій потоки бездны» ко всѣмъ деревьямъ полевымъ, вотъ гдѣ былъ «корень великихъ водъ» Ассура. «Бездна» Іезекіиля есть очевидно настоящій Иссыкъ-Куль.

Долина этаго озера, лежащая болѣе 5000 футовъ выше уровня моря, какъ извѣстно, носить на себѣ явные признаки того, что она осыла и была поглощена водою; она лежитъ безусловно «внутри горъ», и имѣетъ удобный для спуска своихъ водъ выходъ Боамскимъ ущельемъ на долину, но озеро не даетъ этого выхода, оно замкнуто; словомъ, Иссыкъ-Кульская долина съ буквальною точностью отвѣчаетъ формулѣ Геродота: «ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не имѣютъ выхода оттуда». Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ сомнѣнія быть не можетъ.

И такъ, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, мы получаемъ совершенно точныя указанія, во-первыхъ, что въ Туркестанѣ былъ переворотъ отъ закрытія выхода водъ, и во-вторыхъ,

что мѣстомъ дѣйствія переворота была Иссыкъ-Кульская долина.

Закрытіе «бездны» и образованіе озера, по словамъ Іезекіиля «омрачило Ливанъ» (т.-е. міръ), и привело въ «уныніе всѣхъ дерева (народы) полевыхъ»; а по свидѣтельству Геродота всѣхъ—«до сего водою пользовавшіеся» народы, населявшіе равнину Туркестана, «претерпѣваютъ нынѣ великой вредъ», потому что, поясняетъ Геродотъ, «лѣтомъ, когда они пшено и сисамъ сѣютъ, недостатокъ имѣютъ въ водѣ». Слѣдовательно толчекъ, затворившій воду въ отдаленномъ углу Туркестана, губельно отразился недостаткомъ воды для орошенія полей на *всей* громадной площади этого края. Нѣтъ сомнѣнія, что толчекъ этотъ разрушилъ нормальное состояніе правильно установленной ирригаціи, отнялъ у населенія возможность производить поливку посѣвовъ и насажденій, а это для края, основывающаго все свое благоденствіе на водѣ, безъ которой немыслима никакая культура, составляетъ конечно такое бѣдствіе, которое дѣйствительно могло по словамъ Іезекіиля «привести въ трепетъ народы», и заставлять ихъ и ихъ женъ припадать къ двору Персидскаго царя съ «воплемъ и плачемъ», какъ о томъ говоритъ Геродотъ.

Если катастрофа на Иссыкъ-Кулѣ отозвалась недостаткомъ воды на всей площади Туркестана, то очевидно что «воды» орошавшія всю равнину были тогда въ непосредственной связи съ Иссыкъ-Кулемъ, т.-е. *составляли одинъ общій бассейнъ*, такъ какъ только въ такомъ случаѣ бѣдствіе населенія, свидѣтельствуемое Іезекиилемъ и Геродотомъ, дѣлается неизбежнымъ и понятнымъ. Геродотъ такъ и говоритъ,

онъ говоритъ объ *одной* великой рѣкѣ: «*Оная* напояла *прежде сего* земли всѣхъ вышеобъявленныхъ народовъ»... Іезекіиль подтверждаетъ тоже, что «бездна», (т.-е. Иссыкъ-Кульская долина), рѣки которой окружали «питомникъ» страны, «*протоки свои* посылала ко *всѣмъ* деревьямъ полевымъ». Эти «протоки» изъ «бездны» и играли повидимому роль связующаго звѣна рѣкамъ Туркестана, выходящимъ на плоскость. Когда-же «бездна» замкнулась, связь эта исчезла и общій бассейнъ неизбѣжно долженъ былъ разорваться. Въ такомъ разорванномъ видѣ и находимъ мы въ настоящее время бассейнъ Туркестанскихъ рѣкъ.

Можно было-бы сомнѣваться въ томъ, что Туркестанъ орошалъ когда-то одинъ общій бассейнъ, конечно, величайшей рѣки, если-бы послѣ него не осталось никакихъ признаковъ его существованія; но вѣдь намъ извѣстно, что равнину Туркестана съ востока на западъ, отъ *берега озера* Иссыкъ-Куля до *берега моря* Каспійскаго, перерѣзываетъ непрерывная цѣпь руслъ, явственно указывающая ложе и направленіе той рѣки, которая брала свой истокъ на Иссыкъ-Куль. Рѣка эта не могла играть другой роли, какъ роль *главной* рѣки бассейна, а слѣдовательно настоящія рѣки Сыръ и Аму были только ея *притоки*.

Такимъ образомъ Геродотъ совершенно вѣрно занесъ въ свое повѣствованіе, что «изъ лежащихъ въ округѣ (Туркестанской равнины) горъ выходитъ великая рѣка Акъ именуемая», — называя одну рѣку, онъ очевидно разумѣлъ весь бассейнъ одной рѣки, какой и составляли когда-то рѣки Туркестана. Изъ горъ, лежащихъ по окружности такой огромной равнины, естественно не могла рѣка выходить однимъ истокомъ, и Геродотъ поясняетъ это, онъ говоритъ:

«но горы имѣютъ пять прорѣзовъ», т.-е. пять углубляющихся въ горы долинъ, и что «прорѣзами» этими вода была проведена «особливо во всякой народъ», т.-е., что каждая изъ пяти углубляющихся въ горы долинъ, населенная отдѣльнымъ народомъ, орошалась «особливо» водою одного общаго бассейна великой рѣки. Рѣка Геродота сбѣгала слѣдовательно съ «въ округъ лежащихъ горъ» на равнину пятью отдѣльными потоками, по пяти «прорѣзамъ», гдѣ и сливалась въ общій бассейнъ. Этихъ «прорѣзовъ» или долинъ, углубляющихся въ горы, мы можемъ намѣтить и теперь тоже число: 1) долина Аму, 2) долина Заравшана, 3) долина Сыра, 4) долина Чу съ Иссыкъ-Кулемъ и 5) повидимому долина Мургаба, если не Сары-Су.

Нельзя пройти молчаніемъ того разногласія, которое замѣчается у Іезекіиля и Геродота относительно ближайшаго повода къ перевороту. Въ томъ они расходятся, и тогда какъ Іезекіиль прилагаетъ къ перевороту волю провидѣнія говоря, что Господь «затворилъ бездну», Геродотъ приписываетъ это царю, по приказу котораго были поставлены у «прорѣзовъ» горъ «плотины и шлюзы», затворившія выходъ водъ и заставившія «ровное мѣсто внутри горъ» обратиться въ озеро.

Если принять во вниманіе, что Іезекіиль писалъ свою XXXI главу за 92 года до рожденія Геродота, что слѣдовательно Іезекіиль стоялъ ближе по времени къ перевороту на цѣлое столѣтіе, то преимущество въ этомъ случаѣ надо отдать Іезекіилю. Воля провидѣнія, выразившаяся вѣроятно подземнымъ ударомъ, землетрясеніемъ, въ такомъ міровомъ явленіи болѣе понятна; къ тому-же у Геродота замѣчается

въ этомъ мѣстѣ очевидная неясность. Онъ говоритъ, что у «прорѣзовъ горъ царь поставилъ плотины и шлюзы» и этихъ прорѣзовъ насчитываетъ пять, между тѣмъ говоря о послѣдствіи постановки плотинъ и шлюзовъ выражается въ единственномъ числѣ, «ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ», т.-е. одно мѣсто, тогда какъ по числу «прорѣзовъ» надо было ожидать такихъ мѣстъ—пять. Но эта неясность несколько не умаляетъ правдивость разсказа и мы позволимъ себѣ попробовать ее разъяснить.

Изъ разсказа Іезекіиля мы знаемъ, что переворотъ былъ до него, повидимому одновременно съ паденіемъ Ассиріи. Геродотъ жилъ и писалъ значительно позднѣе, когда переворотъ проявлялъ уже свое гибельное дѣйствіе на ирригацію и населеніе должно было искать въ плотинахъ и шлюзахъ средство къ поднятію упавшаго въ рѣкахъ уровня воды, чтобы возстановить нарушенный порядокъ орошенія; по этому плотины и шлюзы составляли во время Геродота жизненный вопросъ того края. Такъ какъ «воплъ и плачъ» населенія, бѣдствовавшаго отъ недостатка воды, разрѣшался «отверстіемъ» плотинъ и шлюзовъ, то Геродотъ легко могъ приписать имъ ближайшую причину переворота и, такимъ образомъ, въ сооруженіяхъ вызванныхъ переворотомъ, призналъ его корень. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что напри-
мѣръ въ настоящее время, когда мы нигдѣ въ Туркестанѣ не знаемъ у «прорѣзовъ» горъ плотинъ и шлюзовъ,*)—все-таки видимъ полное разстройство

*) Хивинскія плотины сюда не подходятъ, такъ какъ Геродотъ ясно говоритъ о плотинахъ и шлюзахъ у «прорѣзовъ» горъ, т.-е. тамъ гдѣ рѣки выходятъ изъ горъ, а Хивинскія плотины лежатъ на плоскости Туркестана.

рѣкъ Туркестанскаго бассейна; тогда какъ признавъ вмѣстѣ съ Геродотомъ въ плотинахъ и шлюзахъ основную причину переворота, мы въ правѣ были-бы ожидать, что съ устраненіемъ ихъ «великая рѣка Акъ именуемая» должна была-бы какъ и «прежде» безпрепятственно «напоить» земли всей равнины, чего однако мы не видимъ. По этому очевидно, что роковое дѣйствіе имѣли не «плотины и шлюзы», а тотъ фактъ, что «ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не имѣютъ выхода оттуда». Этотъ-же фактъ понятнее, повторяемъ, въ рукахъ воли провидѣнія, чѣмъ въ рукахъ человѣка.

Все вышеизложенное, смѣемъ думать, съ убѣдительною ясностью доказываетъ, что въ разсказахъ Іезекіиля и Геродота имѣемъ мы вполне опредѣленное, понятное и оправдывающееся современнымъ состояніемъ Туркестана разъясненіе постигшаго этотъ край на грани нашей исторіи бѣдствія. 2459 лѣтъ тому назадъ пророкъ Іезекіиль изобразилъ картину этаго бѣдствія въ назиданіе Египту, «чтобы никакія деревья при водахъ не величались высокимъ ростомъ своимъ». Бѣдствіе это, по словамъ Іезекіиля, послѣдовало одновременно съ тѣмъ какъ Ассирію «срубили чужеземцы, лютѣйшіе изъ народовъ». Приблизительно черезъ 150 лѣтъ послѣ Іезекіиля отецъ исторіи, Геродотъ, внесъ въ свое повѣствованіе тоже самое бѣдствіе, почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ.

Разсказы Іезекіиля и Геродота о переворотѣ въ Туркестанѣ должны измѣнить взглядъ на такъ называемый Аму-Дарьинскій вопросъ. Теперь очевидно,

что Аму-Дарья не имѣетъ никакого права на Узбой—какъ свое бывшее ложе; послѣдній является непосредственнымъ продолженіемъ русла рѣки выходящей съ Иссыкъ-Куля. Аму-Дарья была только притокомъ этой рѣки, а потому если-бы и удалось повернуть ее въ русло изсякшей главной рѣки, то нѣтъ сомнѣнія, что пользы отъ этого не можетъ быть никакой, ни въ смыслѣ орошенія, ни тѣмъ менѣе судоходства. Струи ея могутъ дойти до Каспійскаго моря, какъ доходили они съ небольшимъ 300 лѣтъ тому назадъ, о чемъ совершенно точно свидѣтельствуется султанъ Абуль-Гази; но производительная польза отъ нихъ будетъ только въ отношеніи обезпеченія водою пути (по Узбою) въ этой безотрадной и безводной пустынѣ. Аму-Дарья одна не можетъ наполнить такое русло, какое дружно наполняли *всѣ* выходящія на равнину Туркестана рѣки,—ей это не по силамъ; и потому собственно Аму-Дарьинскій вопросъ дѣлается, такъ сказать бесполезнымъ. Онъ можетъ разрѣшиться самъ собою при разрѣшеніи другаго, болѣе великаго вопроса, общаго для рѣкъ равнины и закрытаго въ озерѣ Иссыкъ-Кульской долины.

Надо отворить «бездну» Іезекіиля, надо Геродотово «ровное мѣсто внутри горъ ставшее озеромъ» опять обратить въ ровное мѣсто, т.-е. возстановить выходъ водамъ Иссыкъ-Кульской долины, дать стокъ озеру; тогда вода изъ озера свяжетъ Туркестанскія рѣки въ одинъ общій бассейнъ, который Узбоемъ начнетъ вливаться въ Каспійское море.

Вотъ этотъ вопросъ получаетъ величайшій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ послѣдовать, если дать *постоянный* стокъ водамъ Иссыкъ-Куля?

Возстановится-ли «великая рѣка», или 24 вѣка времени въ союзѣ съ бывшими сильными ея притоками настолько разрушили, размыли, видоизмѣнили ложе этой «великой рѣки», что надежды на это быть не можетъ?

Намъ кажется есть основаніе довѣрять тому, что такое великое предпріятіе можетъ имѣть полный успѣхъ. Со стороны технической затрудненій никакихъ быть не можетъ, такъ какъ для того чтобы прорыть каналъ, менѣе 10 верстъ длиною, отъ берега озера Иссыкъ-Куля до русла рѣки Чу, — не требуется конечно особеннаго труда и средствъ; затѣмъ вода сама дойдетъ русломъ Чу до Сыръ-Дарьи, и далѣе русломъ Яны-Дарьи до Аму-Дарьи и Узбою, потому что, какъ-бы не было размыто мѣстами пустое русло главной рѣки, оно все-таки составляетъ магистральный тальвегъ Туркестанской равнины. Съ этой стороны слѣдовательно затрудненій представить-ся не можетъ.

Но основательныя возраженія можетъ вызвать опасеніе объ участи тѣхъ, хотя и незначительныхъ поселеній, которыя имѣются по низовьямъ Сыра и Аму и которымъ можетъ грозить затопленіе. Можно также ожидать, что уровень Каспійскаго моря поднимется отъ прибыли воды по Узбою, и прибрежныя поселенія этого моря могутъ подвергнуться той-же опасности.

Но и это опасеніе въ значительной степени уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что Сыръ и Аму, предоставленныя въ теченіи 24 вѣковъ самостоятельной жизни, успѣли создать себѣ новый пріемникъ въ Аральскомъ море, которое, при спускѣ воды изъ Иссыкъ-Куля, будетъ представлять нѣкотораго рода

предохранительный клапанъ, отвлекая часть воды, при значительномъ ея подъемѣ, къ себѣ. Кромѣ того, спускъ воды изъ Иссыкъ-Куля на первое время можетъ быть изъ осторожности урегулированъ шлюзами. Словомъ, въ этомъ предпріятіи можно дѣйствовать постепенно, медленно, наблюдая послѣдствія и своевременно принимая мѣры къ устраненію опасности затопленія, если-бы такая опасность возникала.

Во всякомъ случаѣ, по своимъ неисчислимымъ выгодамъ, вопросъ о возстановленіи великой рѣки слишкомъ заманчивъ. Открыть выходъ жизненнымъ сокамъ Туркестана, скрывшимся въ озерѣ Иссыкъ-Кулѣ много вѣковъ тому назадъ; вызвать снова къ жизни эту громадную страну, дать ей опять то «множество водъ», благодаря которымъ выросъ и развился величественный «кедръ», которому завидовали «всѣ дерева Едемскія въ саду Божіемъ» и, прибавимъ, сдѣлать это для блага Россіи,—такая задача обѣщаетъ слишкомъ великіе результаты, чтобы остановиться ея выполненіемъ ради сомнительныхъ опасеній затопленія, легко устранимыхъ.

А. Чайковский.